

Анна
Гурова

ЛУННЫЙ ВОИН

Москва
T8 RUGRAM
2020

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
Г95

Гурова, А.Е.

Г95 Лунный воин / А.Е. Гурова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 412 с. — (Миры Анны Гуровой).

ISBN 978-5-521-73626-3

Мальчишка из рыбацкой деревеньки готовится стать помощником местного жреца. Но однажды в его дом приходит незнакомец, убивает его семью и забирает его с собой. Так Ким попадает то ли в слуги, то ли в ученики к темному лесному чародею. Однако, похоже, дело куда хуже, чем он опасался — его готовят в жертву. Но почему именно он, что в нем особенного?

Некому помочь Киму. Ем придется спасать себя самому — а заодно узнать, почему им так интересуются люди и боги...

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
В1С FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-73626-3

© Гурова А.Е., 2020
© Т8 RUGRAM, оформление, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

ПРОЛОГ

Мы с шаманом сидим у южной стороны святилища, там, где обрушилась от старости каменная ограда, и через пролом видна степь — легкие сухие травы до самого края земли. Полдень. Вокруг пусто, безлюдно. Только трещат кузнечики в траве, да невыносимо палит солнце.

Никто в деревне не выйдет ни к реке, ни в поле в этот час: мужчины спят после утреннего лова, а их жены посидживают в тени на открытых верандах, болтают и пьют чай. Вокруг нас повсюду обломки стены, камни рассыпаны среди травы, колючей и острой. На камнях греются ящерицы, в горячем воздухе проносятся рыжие стрекозы, вспыхивая радужными крыльями.

Наш деревенский шаман, дед Хару, сидит неподвижно на своем обычном месте, в тени колючего дерева лох, на соломенном коврике — сидит тихо, словно умер. Шаман маленький и худенький, как мальчик, смуглое старушечье лицо похоже на жухлую сливу, в густой сетке морщин и складок прячутся прохладные голубые глаза. Сейчас веки деда опущены, лицо безмятежно, как у тех спящих богов, которые вырезаны на древних могилах у святилища, ладони покоятся на коленях — кажется, что и не дышит. Вдох — тишина. Долго-долго грудь не шевельнется. Потом выдох. Снова ни шевеления. Но я уже привык, я знаю, что так и надо. Дед Хару рассказал мне однажды, и я все понял. Он

думает великие мысли. О небе — сразу обо всем, со всеми облаками, птицами и феями. О нашей реке Микаве, как она течет мимо ста островов в океан. Если все делаешь правильно, сказал мне дед Хару, то Kami поднимут тебя над землей. Невысоко, на ладонь. Я пробовал, у меня уже почти получается, но не хватает терпения. Поэтому я играю рядом, очень тихо. Без топота и воплей: ползаю в траве и шепчу.

Я охотник. Я охочусь на драконов. Ну, на самом-то деле — на стрекоз. Они прилетают из глубины рощи, от ручья, где скрыты их тайные гнездилища. Вот одна сидит, покачиваясь на конце сухой травинки, — огромная ржаво-золотистая дракониха с выпученными глазами, похожими на радужные капли. Страшные челюсти у нее так и ходят из стороны в сторону. Бабушка Ута один раз взяла стрекозу за крылышки и дала той покусать себя за палец: «Вот, Мотылек, смотри, какая она хищная, прямо как тигр!» Стрекоза трепыхалась и кусала так злобно, что я не выдержал и заплакал, так мне стало жалко бабушку. «Никогда не лови стрекоз, — сказала потом она. — Есть поверье, что стрекоза — проводник в Нижний мир. Кто убьет стрекозу, тот сам скоро умрет».

Но я все равно на них охочусь. Охотник ничего не должен бояться, иначе он уже не охотник. Настоящие мужчины не знают страха.

Когда на берег Микавы возле водопоя приплыла ужасная полосатая гадюка длиной в три моих руки с лягушкой в пасти и улеглась там на песочке, чтобы поест, все боялись к ней подойти — ни мальчишки, ни женщины, ни коровы с козами не могли пройти к воде. Потом женщины увидели знакомого рыбака и дружно заголосили: «Иди сюда, дядюшка Карп, спаси нас!» Рыбак подошел к гадюке, сплюнул: «Экая погань!» — и ударил ее веслом поперек хребта. Гадюка взметнулась, как хлыст, женщины завизжали и отшатнулись. А рыбак еще раз ударил ее веслом — и она упала на песок, как будто сломанная попо-

лам, и одна ее половина дергалась, а другая лежала неподвижно, и лягушка выпала у нее из пасти, уползла в воду и там спокойно умерла от яда.

...Стрекоза как будто приглашает поиграть в пятнашки, перелетая с травинки на травинку. Я поймаю эту стрекозу в шапку, отнесу бабушке и скажу:

«Смотри, я поймал дракона!»

А она скажет:

«Ах, какой ты храбрый, Мотылек! Выброси немедленно эту гадость!»

Голову печет солнце, между лопаток стекает пот. Еще прыжок! Опять отлетела... Но я настигну ее, я устал, значит, и она тоже — ведь я больше и сильнее. Терпко и вкусно пахнет горячая трава. Говорят, солнце иногда поджигает ее, и если степь загорится, то никто, даже войско императора, не сможет ее потушить, пока всё не сгорит дотла. Оглушительно звенят серые кузнечики. Их тут много, и я вижу, как они прыгают в траве. Стрекоза совсем близко. Еще прыжок! Я лечу вперед, выставив перед собой соломенную шляпу, и стрекоза в ловушке! Есть! Поймал! Ой... Где я?

Нет ни осыпавшейся стены, ни деревьев с острыми листьями. Нет деда. Со всех сторон, куда ни глянь, — только мертвые травы равнины. И — Солнце. Солнце огромное, во все небо, палящее, жестокое. Бабушка говорит — надо быть очень осторожным с Солнцем. Есть время Солнца, есть время Луны. То, что между ними, — наше, людское. Не выходи на улицу в час Солнца, Мотылек, или оно увидит тебя, разгневается и напустит на тебя злых духов — квисинов... У меня кружится голова. Всё громче верещат кузнечики. Кто-то шуршит в сухой траве, то справа, то слева, словно хищные твари подбираются ближе, окружают меня кольцом. Мне становится страшно и тоскливо. Здесь кто-то есть, кто-то охотится на меня. Гадюки? Квисины? Или...

Небо внезапно темнеет, над головой проносится тень, и я чувствую, как на меня падает ненавидящий взгляд. Совсем близко раздается жуткий нечеловеческий голос, похожий на приглушенное рычание:

— Я обещал, что найду тебя и съем? Вот ты и попался, гаденьш!

Я узнаю голос, и меня охватывает дикая паника. Никаких чувств, кроме ужаса, никаких мыслей, кроме одной, — бежать сломя голову куда угодно, лишь бы подальше от этого голоса и взгляда! Дед, куда ты пропал?! Спаси меня! Они меня нашли! Дед, дед! Где ты?!!

Ким распахнул глаза и рывком сел на кровати. Сердце колотилось так, будто он действительно мгновение назад чудом ускользнул от верной гибели. Простыня была мокрая от пота. Ким свесил ноги на пол и сел на край кровати, постукивая зубами и бормоча про себя как заведенный: «Он умер, умер, уже больше десяти лет прошло, и его хозяин тоже, я сам это видел. Они оба мертвы, сгорели, на моих глазах превратились в головешки. Всё давно кончилось... Это был просто сон!»

Когда сердце перестало рваться наружу, Ким встал с постели и подошел к окну. Отодвинул штору, глубоко вздохнул... Из сада веяло сыростью. Ночи уже прохладные — конец лета, как-никак. В густо-синей вышине, по-осеннему яркий, раскинулся Цветочный Балдахин — семизвездный полог над троном Небесного Императора. В предрассветной синеве чернели замысловатые крыши Поднебесного Удела, кое-где в домах уже горели одинокие огни. «Скоро рассвет, — успокаиваясь, подумал Ким. — Нет, все-таки чудной сон, да еще накануне такого важного события в моей жизни, как государственный экзамен! Это всё не просто так! Надо же — дед Хару приснился, прямо как живой, впервые за десять лет, я уж начал забывать, как он выглядел... Что бы это значило?

А, понял! Не иначе дед явился, чтобы благословить воспитанника перед экзаменом! Спасибо, дед!»

Ким мысленно отвесил ему глубокий поклон.

«Хм... а почему только дед? Где остальные предки? Почему я никого не вижу? Где же вы, уважаемые князья Енгоны?»

Впрочем, предков можно понять, довольно непочтительно подумал Ким. Во-первых, к чему создавать толчею? Куда удобнее являться по одному. Правда, тогда благословление затянется на несколько месяцев... Ким, ухмыляясь, представил себе сотни поминальных табличек в семейной часовне, прикинул длину очереди, в которую выстроятся несколько десятков поколений Лунной династии. Это первая причина. А вторая — с чего бы это предкам вздумалось благословлять приемыша? У них и родных внуков хватает.

«Хотя дед Хару ведь тоже мне не родной. Просто один из случайных людей, которые воспитывали безродного сироту в разное время...»

7

Прохладный ветерок опять нагнал сон. Ким потянулся, зевнул и посмотрел в темноту у дальней стенки, где находилась стойка для мечей.

«Повезло все-таки этому безродному сироте», — подумал он, прогоняя последние остатки детского страха. На стойке хранились три меча: два деревянных — для тренировок — и один боевой. Несмотря на темное происхождение приемыша, дядя Вольгван обучал его воинским искусствам наравне со своими сыновьями, и Ким привык к мечу настолько, что без него чувствовал себя так, словно вышел на улицу без штанов. Но завтра придется оставить меч дома. Зачем он студенту, которому предстоит целый день, скрючившись в экзаменационной кабинке, писать сочинение на заданную тему, да еще и в стихах?

Низко над крышами соседских усадеб висела луна. Внизу, в саду, летали пульсирующие жемчужинки —

светлячки. Дядя Вольгван приказал напустить их в сад для красоты и чтобы они напоминали ему об островах Кирим, где прошли лучшие годы его жизни.

Ким со вздохом вернулся в остывшую постель, думая о государственном экзамене. В голове, откровенно говоря, была полная каша.

Накануне вечером он до полуночи беседовал с другим дядей, отставным генералом Ильченом Енгоном, на предполагаемые экзаменационные темы и теперь молился только об одном — чтобы ему не выпал вопрос по этике или философии. «Пожалуйста, дедушка и прочие предки, пошлите мне что-нибудь конкретное! — взмолился Ким, закрывая глаза. — Южные войны, умиротворение варваров, мятеж красноповязочников...»

«Главное на войне против варваров, сынок, правильно провести зачистку, — пробубнил у него в голове голос дяди Ильчена. — Вводишь войска в селение, окружаешь общинный дом и поджигаешь с нескольких сторон сразу. Если из дома выбегают женщины и дети — значит, селение мирное, а если мужики с вилами и красными повязками на голове — значит, мятежное. И тогда...»

«Хм, а если никто не выбегает?»

«Значит, мои храбрые воины перестарались, и огонь разгорелся слишком быстро».

Ким ухмыльнулся, представив себе дядю, перелег на другой бок. Мысли мешались, дядины поучения сливались в невнятное бормотание...

«На самом деле все эти разговоры об умиротворении — чепуха, сынок. Горные варвары из Чокче воюют, потому что такова их природа: наши прадеды с ними воевали, и наши правнуки тоже с ними будут воевать, помни мои слова. Ой, главное, не ляпни этакое в сочинении, не то отправишься из экзаменационной кабинки прямо в тюрьму...»

Ким еще раз улыбнулся сквозь дрему и крепко заснул.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

